

О. В. Лысенко

Музей как побочный продукт
истории: идентификация внутри
«воображаемого сообщества»

Лысенко Олег Викторович, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Белоруси, Украины и Молдовы, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук, n_lysenko@mail.ru

Культурное наследие и артефакты в музеях как объекты аналитического дискурса междисциплинарных исследований и социокультурных практик часто подвержены деструкции и ситуативной смене нарратива. Эти процессы кристаллизуются в «смутные времена», «эпохи перемен» в форме социальных экспериментов, что находит отражение не только в изменении этнокультурного ландшафта, но и деятельности самих этнографических музеев. В докладе рассматривается несколько вариантов нарратива, описывающих маргинализацию и деструкцию этнокультурной среды с учетом субъективного опыта их авторов как свидетелей этого процесса. Исследование помогает увидеть в ином свете ключевые моменты становления и развития музея в момент смены его деятельности.

Ключевые слова: самоидентификация, маргинализация, этническая идентичность, этномузеологическое наследие, этнография и этнология восточной Европы, локальная этнокультурная среда.

В эпоху, когда исследовать/интерпретировать происходящее и тем более утраченное прошлое в терминах классического академического знания становится уделом немногих избранных, на первый план выходит его конструирование и продвижение. Эти тенденции в социально-политическом дискурсе относят к стратегии «управляемой идентификации», в которую легко встраиваются и этническая идентичность с национальными и этнографическими музеями в качестве «культуртрегерских» инструментов.

Разрабатывая стратегию адаптации культурного наследия и реагируя на требования времени, важно помнить, что в реальности «следы прошлого»¹ как объекты аналитического дискурса ме-

ждисциплинарных исследований и социокультурных практик часто подвержены деструкции и ситуативной смене нарратива.

Обычно эти процессы обостряются в «смутные времена», «эпоху перемен» в формах социальных экспериментов, что находит отражение не только в изменении этнокультурного ландшафта, но и деятельности этнографических музеев². Формируются новые типы нарратива, новая стилистика, претендующая на научно обоснованный анализ критической статьи, которая отличалась бы от стилистики этнографического очерка. Эти преобразования можно увидеть в статье сотрудника музея А. С. Дуйсбург о создании интернациональных колхозов, написанной по итогам экспедиции 1930 г. в Белорусскую ССР. Как уже опытный этнограф, но ориентированный на социокультурный контекст в заданной идеологической матрице, она, тем не менее, отмечает важные детали, благодаря которым мы можем, наблюдая за социальными экспериментами, более целостно представлять механизмы идентификации и реакции этнической идентичности в исторической перспективе. «Когда мы были в глухих деревнях... со слабым расслоением крестьянства, с неграмотным населением и отсутствием местных организаторов, то наблюдали, что там и коллективизация проникает медленно и утверждается с большим трудом... Характерно, что вошла в колхоз не коренная часть населения деревни, а переселенцы... то есть люди с инициативой, бедняки, пришедшие улучшить свое положение... Крестьяне-единоличники «нехотимцы», пока еще не решили стать колхозниками»³.

Иные тенденции и факторы изменения полесского социума и его стратификации, которые мы склонны рассматривать наравне с коллективизацией как процессы маргинализации⁴ и деструкции локальной этнокультурной среды, были отмечены А. К. Сержпутовским в докладе 1907 г.⁵ Он пишет: «Между тем уже скоро и в этом глухом уголке Полесья исчезнут следы старины и будут потеряны для науки, так как с проведением Полесских железных дорог и осушки некоторых болот открылся доступ в этот край. <...> В прошлом году здесь среди полешуков появилось много пришлого элемента. В течение последних 10–15 лет в северо-западном крае распроданы разным перекупщикам-аферистам и отчасти местным и переселившимся из соседних губерний крестьянам... пахотные земли, весь этот пришлый элемент населения, как то: рабочие, крестьяне переселенцы из соседних губерний, старообрядцы или «раскуольники», как их здесь называют, и «обрусители» в разных видах не могли так или иначе не оказать влияния на жизнь полешуков. Действительно, наплыв пришлого элемента мало-помалу

стирает сохранившиеся в течение многих веков своеобразные черты белорусса-полешука» (первая публикация текста)⁶.

С другой стороны, за элементами литературного стиля, «забираясь в глубь Полесья, вам кажется, что вы отвернули страницы истории назад на несколько веков и видите первобытную жизнь народа»⁷. Здесь можно рассмотреть исследовательский интерес к этнографическим источникам как материалу для исторической реконструкции, вполне соотносимый с концептами палеоэтнологии⁸, которые составляли важную часть интеллектуальной жизни музея этого периода. Присутствие типологических коннотаций и поиск различий и тождеств этнокультурных идентичностей в упомянутой статье, а также в публикациях сотрудников музея указывает на признаки концептуальной модели, которую позже стали называть «теорией этноса», не всегда отдавая себе отчет в специфике ее этномузеологического прочтения⁹. Известно, что исследовательской стратегией в момент формирования эмпирической базы и становления музея как научной лаборатории была органичная связь с методологическими подходами этнографической науки, с одной стороны, и субъективным опытом полевых исследований, который в ситуации А. К. Сержпутовского можно сформулировать как опыт самоидентификации этнофора внутри культурного поля, – с другой.

Иной вариант нарратива о деформации этнокультурной среды мы находим в текстах Д. А. Золоторева. Отмечая текучесть времени в повседневности, он писал: «Тихая, спокойная жизнь «мирного времени», нарушившись в июле 1914 года, до сих пор не вошла в русло обыденности, когда только и создаются благоприятные условия для отстаивания определенного быта... Наряду с огрубением нравов, увеличением драк и убийств – обесцениением жизни вообще, появилось огрубение и в домашнем обиходе»¹⁰. Эти наблюдения вскрывают важные детали в предметной области традиционной культуры – от одежды и домашней утвари до сценария детских игр и поведенческих стереотипов: «Солдатская шинель не только заменяла рабочую одежду, но служила нередко пальто для женщин. Солдатский котелок заменял обеденную посуду, коробки из-под консервов и патронов использовались для различных хозяйственных надобностей. Колючая и телефонная проволока заменяли то колья и жерди, то тяжи, веревки и т.д. Если подобного рода использование отбросов войны было естественно... то по отношению к детям и юному поколению это влияние было более пагубно. Детские игры и игрушки дают возможность судить, насколько сильно было воздействие войны и революции. Игра в войну, немцев и русских, в реквизицию, обыски, расстрелы, игрушечные ружья, сабли,

револьверы, кинжалы, нагайки и пр. заполняли время и питали воображение детей долгие годы»¹¹.

Таким образом, с 1907 по 1930 г. мы обнаруживаем несколько нарративов, описывающих маргинализацию и деструкцию этнокультурной среды с учетом субъективного опыта их авторов как свидетелей этого процесса. В то же время в музейном собрании эти феномены не нашли существенного отражения, исключение составляют лишь фотоматериалы. Полагаем, что исследование вариативности нарратива открывает перспективу увидеть в ином свете ключевые моменты становления и развития музея в момент смены в его деятельности. Проекция на этнографический музей взаимосключающих концепций, синхронно существующих в проблемном поле этнографии на протяжении последнего столетия, помогает увидеть более детально масштаб деятельности музея как научной лаборатории: от проекта Императорского музея до Федерального учреждения культуры и одновременно скорректировать стратегию его развития.

---

¹ Использование терминов «следы» и «отпечатки» применительно к археологическим артефактам, отсылает читателей к работе Льва Клейна «Археологические источники» (См.: Клейн Л.С. Археологические источники: Учебное пособие. Л., 1978.), сыгравшей важную роль для автора данного доклада и целого поколения ленинградских археологов.

² См.: Петряшин С.С. Соцреализм и этнография: изучение и репрезентация советской современности в этнографическом музее в 1930-х гг.//Антропологический форум. 2018. № 39. С. 143–175.

³ Дуйсбург А.Я. Из жизни интернационального колхоза «Октябрь» Пропойского р-на БССР//Труд и быт в колхозах: из опыта изучения колхозов. Л., 1930. Сб. 1: Из опыта изучения колхозов в Ленинградской обл., Белоруссии и на Украине. С. 188.

⁴ Термин «маргинализация» впервые был концептуально осмыслен и сформулирован в 1920–1930-е гг. в работах чикагской социологической школы, изучающей миграцию населения Северной Америки как процесс, построенный на иерархии социальных статусов, и их смены как механизмов адаптации. (См.: Парк Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек//Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. 1998. № 3. С. 167–176).

⁵ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–55.

⁶ Там же. Л. 7–12.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Платонова Н.И. Фёдор Кондратьевич Волков глазами ученика (к публикации очерка С.И. Руденко)//Археологические вести. № 10. СПб., 2003. С. 367–373; Платонова Н.И. Палеоэтнологическая школа в архео-

логии. Ф.К. Волков//Вестник Томского Государственного университета. 2008. № 315. Октябрь. С. 96–103.

⁹ В дискуссии о судьбах этнологии в России, коснувшись вопроса о значении «теории этноса», академик РАН В.А. Тишков не только не оценил вклада сотрудников Этнографического отдела Русского музея императора Александра III в «теорию», но и в целом в этнографическую науку, заметив между прочим: «Н.М. Могиланский и Ф.К. Волков (первый написал всего пару слабых статей, второй и вовсе занимался только этнической картографией)» (См.: Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе//Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 87).

¹⁰ Золотарев Д.А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919–1925 гг.)//Материалы по этнографии (Этнографическое отделение Русского музея). 1926. Т. 3. Вып. 1. С. 143.

¹¹ Там же. С. 143.

UDC 391.4; 903.04; 7.04

O. V. Lysenko

Museum as a Co-product of History. Identification within an „Imaginary Community“

Lysenko Oleg Viktorovich, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples of Belarus, Ukraine and Moldova, leading research fellow, Ph. D. (History), n_lysenko@mail.ru

Cultural heritage and artefacts in museums, as objects of interdisciplinary research analytical discourse and socio-cultural practices are often subject to destructing and situational changing of narrative. These processes used to be crystallized in the „times of troubles“, „epochs of change“ in the forms of social experiments, that were is reflected not only in the ethno-cultural landscape changes, but also in the activities of ethnographic museums themselves. The report examines several versions of the narrative describing ethno-cultural environment marginalization and destruction, taking into account the subjective experience of their authors as witnesses to the processes. The research opens up the prospect of seeing in a different light some of the essential moments of the museum’s formation and development at the time of a sharp turn in its activities.

Key words: self-identification, marginalization, ethnic identity, ethnomuseological heritage, Ethnography and Ethnology of Eastern Europe, local ethno-cultural environment.